



Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 20–33

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323:316.4.051.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20>

Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: первая половина XX в.

А. В. Худяков*

*Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В рамках сравнительно-исторического и системного подходов рассмотрено формирование теоретических и методологических основ циклических концепций, ставших одним из способов проникнуть вглубь процессов, происходивших в обществе в первой половине XX в. Основное внимание уделено содержанию концепций, определено, что каждая из них является идеальной схемой, где ученые упрощенно описывают сложную реальность. Сделан вывод, что дифференциация наук способствовала междисциплинарному изучению циклических процессов в обществе, поиску и выработке новых подходов в исследовании нелинейной динамики, что в дальнейшем вызвало формирование теоретических и методологических основ политической цикличности.

Ключевые слова: цикличность, жизненный цикл цивилизации, смена поколений, циркуляция элит, волновая теория, циклические концепции общественного развития.

Для цитирования: Худяков А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: первая половина XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 20–33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20>

Original article

Formation of Theoretical and Methodological Foundations of Cyclic Concepts in the Political Sphere: The First Half of the 20th Century

A. V. Khudyakov*

Scientific and Practical Center for the Problems of Strengthening Law and Order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The radical political and social changes that took place in the first half of the 20th century required their scientific understanding and rational interpretation. Cyclical concepts are becoming one of the ways to penetrate deep into the processes that took place in society. Within the framework of a comparative historical and systematic approach, the author considers the formation of their theoretical and methodological foundations. The main attention is paid to the content of the concepts. Each of them is an ideal scheme where scientists simply describe a complex reality. This made the theories available for critical comments and further scientific research. The author comes to the conclusion that the differentiation of sciences contributed to the interdisciplinary study of cyclical processes in society,

© Худяков А. В., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

the search and development of new approaches in the study of nonlinear dynamics, which further contributed to the formation of theoretical and methodological foundations of political cyclicity.

Keywords: cyclicity, life cycle of civilization, concept of generational change, circulation of elites, wave theory, cyclic concepts of social development.

For citation: Khudyakov A.V. Formation of Theoretical and Methodological Foundations of Cyclic Concepts in the Political Sphere: The First Half of the 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 20-33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20> (in Russian)

Циклическая интерпретация процессов и явлений, происходящих в природе и обществе, является одним из способов восприятия человеком окружающей действительности. Чередование разного рода состояний во все времена представляло интерес для мыслителей, так как знание о них служит одной из основ прогнозирования. К настоящему времени только в истории и экономике проведены исследования, охватившие отдельные теоретические и методологические аспекты циклической динамики. Между тем возможность применения новейших научных достижений для изучения циклической динамики в политической сфере не привела к появлению трудов [2; 4; 8], где научной проблемой выступали бы теоретически-методологические вопросы цикличности в политической сфере.

Устранение указанного пробела в научном осмыслении цикличности позволит установить основные подходы к пониманию учеными первой половины XX в. сущности повторяющихся процессов, связь между различными циклическими процессами в обществе; охарактеризовать методологические подходы, применявшиеся учеными для анализа повторяющихся процессов в обществе.

Исследование теоретических и методологических основ циклических концепций в политической сфере осуществляется с целью выявления и описания основных факторов, оказавших влияние на их формирование, определения их основного содержания.

Содержание концепций автором рассматривается в контексте мировоззрения, которое доминировало в первую половину XX в. Каждая из этих концепций является идеальной схемой, в рамках которой ученые упрощенно описывают сложную реальность, что сделало теории доступными для критических замечаний и дальнейших научных исследований.

Первая половина XX в. – время радикальных политических и социальных изменений, требовавших научного осмысления и рациональной интерпретации. Циклический подход становится одним из способов проникнуть вглубь процессов, происходивших в обществе. Отдельные элементы нелинейной динамики уже нашли отражение в трудах античных мыслителей, получили дальнейшее развитие у Ибн Халдуна и Дж. Вико, распространивших идею цикла на все общество. Французская революция трансформировала идею линейного эсхатологического развития в концепцию линейного прогресса. В философско-политической мысли Просвещения и Нового времени данная идея предстает уже в виде диалектической спирали Г. Гегеля, эволю-

ционной теории О. Конта, теории формаций и циклов экономических кризисов К. Маркса. В первой половине XX в. циклические идеи получили распространение во многих областях знания, в том числе и политологии.

Для исследования нелинейной динамики в политической сфере использовались разные теории и подходы, включая заимствованные из других наук. На рубеже XIX–XX вв. широко применялись формально-логический и нормативно-институциональный, описательный, сравнительный и исторический методы. С начала XX в. в исследованиях получили распространение методы, использовавшиеся в математике, экономике, социологии, культурологии, антропологии и статистике.

Важное место в формировании теоретических и методологических основ цикличности в сфере политики занимает работа В. Парето 1916 г. «Трактат по общей социологии» [7], в которой была изложена теория социального цикла. В основе этой теории лежит модель циркуляции элит: находясь у власти, правящая элита стремится не допустить переход власти к контрэлите; источником ее пополнения являются низшие слои общества, которые в результате непрерывного процесса циркуляции пополняют высшие; достигнув своего расцвета, представители контрэлиты приходят в упадок и уходят в небытие.

Стремление широких масс к модернизации может противоречить интересам политической элиты, контролирующей власть. Это формирует предпосылки для появления новой элиты, ориентированной на реализацию накопленного инновационного потенциала общества. Возникновение препятствий ее приходу к власти приводит к «сбоям» в циркуляции элит. В. Парето полагал, что только социальная революция способна устранить данную проблему.

Если у Н. Макиавелли понятия «львы» и «лисицы» относились к методам руководства правителя, то у В. Парето – к типам элит. При «львах» общество живет спокойно и зажиточно, но при их долгом правлении наступает застой. При «лисах» общество пребывает в состоянии постоянных реформ и авантур, а при их длительном правлении данный процесс приобретает бессмысленный характер и сопровождается неоправданной тратой денег.

Концепция В. Парето имеет ряд слабых сторон. Ее принятие ведет к тому, что понятие «прогресс» теряет всякий смысл, а также нивелирует значение закона общественного развития – закона возрастания значения и роли в истории народных масс. Содержание концепции говорит скорее о циркуляции контрэлит и элит, нежели о циркуляции элит.

Исследование процессов внутри элиты было одним из направлений научной деятельности Р. Михельса [21]. В 1933 г. ученый, как и В. Парето, обратил внимание на механизм вертикальной социальной мобильности и описал его. В рамках этого механизма происходит циркуляция талантливых людей из массы в элиту, а представителей элиты, неспособных выполнять присущие ей функции, в массы.

Отличие подхода Р. Михельса по данному вопросу от подхода В. Парето заключается в следующем. Во-первых, циркуляция им была рассмотрена как в системе «масса – элита», так и в рамках составных частей элиты. Это при-

близило концепцию к реальности. Во-вторых, детальному анализу были подвергнуты различные сегменты элиты. Теория Р. Михельса высветила проблему, которая остро стояла в начале XX в. перед европейским обществом – необходимости обеспечения каналов вертикальной мобильности для снижения уровня социальной напряженности.

Позже негативные последствия неэффективного функционирования каналов вертикальной мобильности в работе «Бунт масс» более детально рассмотрел Х. Ортега-и-Гассет. «Сутки господства масс являются одной из предпосылок формирования социальной базы поддержки авторитарной власти, которая вроде бы пытается защищать «бунтующие» массы от самих себя, но путем более жесткого социального контроля» [6, с. 405].

Феномен «правлящего класса» с помощью организационного подхода был исследован Г. Моска. В 1939 г. в одноименной книге ученый следующим образом описал его сущность: «Во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и заканчивая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть, в то время как второй, более многочисленный, управляется первым» [22, с. 45].

По своей структуре «правлящий класс» не является однородным, он состоит из двух неравноценных по численности групп: малочисленная, которая включает «высшее начальство», и многочисленная с «начальниками среднего звена». Описывая возможные тенденции в развитии «правлящего класса», Г. Моска допустил возможность циркуляции элит.

В рамках первого направления представители «высшего начальства» стремятся передать власть по наследству, что ведет к закрытости правящего класса и застою в обществе. Доминирование второго направления способствует не только открытости элит и их быстрому обновлению, но возникновению нестабильности в обществе. Г. Моска исходил из того, что в обществе должно быть равновесие: при наличии определенной стабильности правящего класса циркуляция элит должна проходить медленно, а число новых представителей быть незначительным.

В работе 1922 г. «Общество и его механизмы» К. Тахтарева [12] циклическая концепция развития общества показана как эволюционная лестница. Свое исследование ученый построил на использовании методов сравнительно-исторического и аналогий, диалектического метода, генетической социологии. Последнюю он определил как сочетание методов антропологии и социологии, направленных на исследование причин и механизмов развития общества через изучение таких социальных институтов, как классы, власть, государство.

Первая ступень эволюционной лестницы включает эпоху охотничьих племен и тотемизма. Во внутренних отношениях важное место отводится жрецам и старейшинам. Одни олицетворяют связь с духами предков и тотемными животными, другие – власть и мудрость. Вторая ступень включает эпоху формирования семейно-племенных союзов, в основе которых совместный труд

родичей. Значимую роль в родовой общине автор отводит отцу-вождю, сакрализации его фигуры. Третья ступень – переход к общинно-вечевому строю, формированию поземельной общины, появлению свободных общинников. Масштаб власти правителя ограничен или корректируется групповой волей элит жреческого или воинского сословия или общественной волей народного собрания. Четвертая ступень – переход к феодальным отношениям, эпохе господства натурального сельского хозяйства, развития городов, формирования сословного общества. Пятая ступень включает эпоху классового общества, урбанизации, прогресса в промышленности и сельском хозяйстве, усложнения структуры общества, развития политических свобод, расцвета наук и искусств. Прослеживается влияние на концепцию К. Тахтарева теории общественных формаций К. Маркса, концепции А. Фергюсона и Л. Моргана о трех стадиях развития человеческого общества [15, с. 61].

К. Тахтарев рассматривает повторяемость исторических явлений в двух аспектах – методологическом и имманентно-креативном. В первом случае в процессе обобщения фактов для выявления общих закономерностей ученый стремится исключить из анализа уникальные события. Он отмечает, что по отдельности ни один народ не прошел целиком все пять ступеней развития, но этот тезис неприменим к жизни всего человечества. «Мы наблюдаем очевидную повторяемость этих явлений или их форм до тех пор, пока все человеческие общества не переживут только что перечисленных ступеней своего развития» [12, с. 365].

Во втором случае К. Тахтарев исходит из невозможности буквального повторения исторических событий из-за наличия в них творческого компонента и способности привносить новизну. «Мы всюду видим изменение и обновление жизни, которая всегда и всюду как бы заново творится, воспроизводится и обновляется в определенных формах. Об этом говорит воспроизведение растений и животных, а равно и определенных общественных форм. Тайна существования всех этих форм заключается в известной повторяемости соответствующих явлений» [Там же, с. 353].

Ученый выделил три объекта изучения общественной жизни: социум, находящийся на стадии максимума своих возможностей, обусловленных сотрудничеством индивидов для обеспечения своих жизненных потребностей; разнообразие поведения социальных групп и их самоорганизация в поведенческую однородность; люди с их потребностями выживания. Данная триада определяет социальные детерминанты и условия развития циклических процессов.

Значимый вклад в понимание циклических процессов внес П. Сорокин. Он полагал, что в рамках развития общества культура как элемент политической системы претерпевает изменения, проявляя при этом повторяющиеся типы. Трансформации носят циклический характер, имеют свою направленность. «Процесс идет от чего-то к чему-то, изменение предполагает переход из одного состояния в другое» [9, с. 99]. Трансформации приводят к концу старой и рождению новой культурной подсистемы, где кризис выступает как момент перехода. Это изменение является непременным условием будущего процветания: «Общество, которое не изменило формы, не смогло найти пути

и средства преобразования, стало пассивным, мертвым и непродуктивным» [10, с. 433]. Развитие общества показало, что ни одна из форм не вечна: всегда наступает стадия исчерпания ее внутреннего потенциала, кризис, а затем крах. При этом ученый не раскрывал движущие силы трансформации, ссылаясь на некий высший все осмысливающий незримый «порядок вещей».

П. Сорокин не обошел вниманием ключевые аспекты циклического процесса. Значительную часть четырехтомного труда «Социальная и культурная динамика», вышедшего в 1937–1941 гг., составляют рассуждения о типах циклических, линейных и смешанных концепций социальных, культурных, космических, биологических процессов.

Ученый выделил две разновидности циклической повторяемости. В рамках первой – абсолютной – последняя фаза возвращается к изначальной фазе и процесс начинается вновь. В рамках второй разновидности – относительной – траектории предыдущего и последнего не совпадают. Этот подход был наиболее близок П. Сорокину, который полагал, что траектории событийных повторов не совпадают.

В линейной направленности движения ученый выделил три типа парадигмы: разветвляющуюся, осциллирующую, спиралевидную. Говоря о линейной парадигме социального развития, он отметил линейный тип изменений как один из множества возможных. Линейно развиваются только отдельные социокультурные явления.

Социолог полагал, что для циклов не характерны постоянный ритм и одинаковая продолжительность. «Любое явление, регулярно повторяющееся, не является объектом истории, поскольку регулярное повторение исключает историю. В историю входят только неповторимые, своего рода единичные и своеобразные факты. Поэтому любая историческая эпоха – это что-то индивидуальное, и вся история является сетью индивидуальных эпох-звеньев, где нет тождества между двумя любыми звеньями» [11, с. 517–518].

К периодическим циклам П. Сорокин относил суточные, недельные, годовые, 3–4-летние, бизнес-циклы, колебания периодов роста и депрессий, 60-летние, исторические и прочие циклы. В качестве неперiodических ритмов ученый выделил следующие циклы: изобретений (восхождение – плато – спуск); социального процесса (копирование – исследование – оппозиция – адаптация); развития социальных институтов (возникновение – развитие – дифференциация – дезинтеграция); жизнь догм и идеологий (это невозможно – в этом что-то есть – принято).

События в Российской империи в октябре 1917 г. заставили ученого обратиться к феномену социальной революции. П. Сорокин выделил ее главные признаки: «Во-первых, революция означает изменение в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводстве и процессах отбора. В-третьих, это деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция приносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [Там же, с. 269–270].

Он считал, что каждая революция в своем развитии проходит через три этапа: первая фаза – выход из общественного равновесия и рост, другая фаза – возвратный поворот маятника революции, третья фаза – окончательное восстановление общественного равновесия. В основу модели он положил принцип действия маятника.

Необходимо отметить, что данная модель для объяснения циклических процессов применялась как в трудах предшественников П. Сорокина, так и в трудах наших современников. Так, еще в конце XIX в. институционалист Г. Адамс выявил закономерность в чередовании политических и экономических процессов. Амплитуду движения маятника он определил в 6 лет, а полный цикл – в 12 лет. При этом фазы циклического процесса у него несимметричны: набор высоты маятника занимает больше времени, социально ориентированная экономика сменяется либеральной, национализация – приватизацией, подъем – спадом и т. д.

О. Шпенглер был близок к Н. Данилевскому [1] в своих взглядах, согласно которым история является последовательностью равноценных и самодостаточных одномасштабных единиц. «Античность и Запад наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой – отдельные миры становления, имеющие одинаковое значение в общей картине истории», – пишет О. Шпенглер [16, с. 147]. В 1918 г. в книге «Закат Европы» он, в отличие от Н. Данилевского, выделил восемь, а детально проанализировал только четыре развитые культуры, прошедшие все стадии развития: античную, арабскую, западноевропейскую и индийскую. Для каждой из них характерен свой цикл, идентичный жизненному циклу организма: зарождение, рост, развитие, упадок и гибель. На основании этого ученый в каждой культуре обозначил детство (варварство первобытного общества), юность (начало развития политической организации, искусства и науки), зрелость (расцвет всех важных сфер общественной жизни) и старость с ее непременным спутником – смертью.

Натуралистический взгляд О. Шпенглера на историю оказал влияние на описание внутренних аспектов отдельно взятой культуры, где встречаются сравнения с жизнедеятельностью насекомых. Каждая фаза, как только наступает ее время, автоматически переходит в следующую. Фиксированным является не только цикл фаз, но и время, предназначенное для него.

Внутреннюю цельность каждой культуры обеспечивает ее естественное достояние, трансцендентный «прафеномен». Он развивает свои творческие возможности на стадиях роста, а исчерпывает – на стадии старения и смерти, где на уровне бытия не возникает ничего нового. Ученый назвал фазу творческого упадка культуры «цивилизацией» – в противовес пониманию цивилизации как высшего развития культуры у Н. Данилевского.

В понимании О. Шпенглера цивилизация – это период творческого бесплодия конкретной культуры. Ее характерными особенностями являются бюрократизация, милитаризация, доминирование нигилизма и скептицизма. Не принимая во внимание факты реальной истории, ученый стремился придать

ей черты фатальности. За эффективным внешним планом концепции скрывается экстраполяция законов биологии на историю.

В 1939 г. Н. Элиас в книге «Про процесс цивилизации. Социогенетическое и психогенетическое исследование» [17] на суд читателей вынес свою концепцию цивилизаций. В ее основу легли исследования в области антропологии, истории, психологии и социологии. Объектом научных изысканий Н. Элиаса была трансформация моделей поведения, привычек, психологических структур людей западноевропейского сообщества, начиная с эпохи Средневековья, заканчивая Новым временем. Он установил ускорение процесса циркуляции поведенческих моделей, что связал с большей взаимной зависимостью между различными слоями общества, тесными контактами, постоянным напряжением во взаимоотношениях между разными социальными группами. В основу концепции цивилизаций Н. Элиас заложил линейную модель социального развития. В отличие от концепции О. Шпенглера с его описанием «сумерек Европы» концепция Н. Элиаса является более оптимистичной. Он полагал, что «цивилизация еще не завершилась, она пребывает в становлении» [Там же, с. 327].

Система философских взглядов О. Шпенглера оказала влияние на исследование проблемы единства исторического процесса А. Тойнби, который исходил из того, что материалом истории является жизнь в ее внешней и внутренней форме проявления, в определенных человеческих подразделениях, называемых обществами.

Для охвата всего многообразия исторических реалий человечества в 1934 г. в книге [13] А. Тойнби не только предложил многомерную характеристику цивилизаций, но и осветил сложный путь их генезиса. Выделив в развитии общества ряд различных во времени и пространстве локальных цивилизаций, прежде всего по принципу принадлежности к религиозной традиции, ученый рассмотрел их с точки зрения циклического подхода.

Исследуя переход от эллинского к западнохристианскому миру, А. Тойнби определил ряд индикаторов, которые свидетельствуют о переходе от старого к новому обществу – цивилизации: во-первых, формирование на заключительной стадии развития общества империи; во-вторых, возникновение в недрах старого общества церкви, которая становится центром всего нового; в-третьих, хаотичное вторжение варваров, переживающих свою «героическую эпоху». Наиболее значимым он назвал второй фактор, менее весомым – третий.

Людей, способных свободно реализовывать свой творческий потенциал, А. Тойнби считал движущей силой трансформации цивилизации. Действиями этих людей руководит не сверхчеловеческая сила, как у О. Шпенглера, а их свобода выбора, которая и задает ход истории.

В развитии цивилизации определяющую роль ученый отводил не завоеваниям, а возможности «творческого меньшинства», в котором видел опасность: оно может превратиться в «господствующее меньшинство» и оставить на обочине активной жизни общества «нетворческое большинство». Со временем «творческое меньшинство» приобретает признаки класса и приводит

общество к расколу. А. Тойнби выделил четыре типа раскола: раскол общественного организма (милитаризм); раскол души; горизонтальный раскол (классовая борьба); раскол вертикальный (войны между государствами).

Расколы приводят к возникновению ритмических колебаний (упадок – возрождение), в рамках которых борются две тенденции – распад и сохранение целостности. Первый упадок толкает надломленное общество в эпоху бедствий. Их масштаб незначительно утихает после первого возрождения, вслед за которым наступает второй, более мощный, упадок. Второе, более продолжительное, возрождение происходит в форме мирового государства. Рецидивы болезни чередуются с выздоровлением, а за последним возрождением наступает окончательный распад. В ритмических колебаниях А. Тойнби прослеживает не только роль человека, с его правом выбора, но духовную первореальность. Процесс развития общества философ рассматривал как тернистый путь к конечному единению человечества с Абсолютом. Этому единению должно предшествовать постепенное сплочение человечества в единую макросистему.

А. Тойнби в формате циклической парадигмы отошел от прямой аналогии между обществом и организмом, развил тему роли социокультурного фактора. Идея цикличности в творчестве ученого представлена через анализ зарождения, развития и гибели мировых цивилизаций. А. Тойнби полагал, что прохождение мировыми цивилизациями основных этапов своего жизненного цикла (возникновение, рост, надлом, деградация и распад) регулируется механизмом «вызов – ответ». Каждый этап развития цивилизации является адекватным ответом на вызов окружающей среды – природным для первых, отцовских цивилизаций, природным и социальным – для следующих.

В модели А. Тойнби описан ритм развития локальных цивилизаций: их возникновение, рост, надлом, деградация и распад. Неадекватный текущим вызовам ответ способен спровоцировать надлом цивилизации и начало ее заката. В рамках циклической парадигмы ученый стремился отойти от органицистской концепции анализа социума, акцентируя внимание на социокультурном факторе. В отличие от О. Шпенглера А. Тойнби не считал целесообразным применение для исследования процессов в обществе научных методов, созданных для анализа неживой природы.

Политическая история является сложным и многофакторным феноменом, который не способен охватить полностью такое понятие, как «цивилизация». Политическая история в значительной степени подчинена вероятностной логике, в настоящем содержит множество вариантов развития будущего, понять которые практически невозможно.

Направленность процесса развития общества всегда имеет альтернативные возможности, и какая из них станет реальностью, к каким последствиям она приведет, зависит от многих случайностей и действий конкретных людей, которые всегда имеют собственные цели, хотя и могут действовать неосознанно или даже бессознательно. Выбор направления движения общества нередко зависит от малозаметных, на первый взгляд, факторов и обусловленных

ими обстоятельств. Случайность, что реализуется, актуализируя одну из возможностей, которая раскрывается как действительность, открывает перед системой новые возможности и делает весь процесс ее развития в определенном направлении необратимым.

Такой общеметодологический подход в рамках теории диссипативных структур является более приемлемым, чем традиционный детерминизм, так как он учитывает свободный выбор индивида, социальной группы, обособленного сообщества как важный фактор движения человечества.

В Новейшее время продолжилась дискуссия о роли в развитии общества смены поколений, основы которой были заложены Н. Макиавелли и Ж. Боденом. В понятие «поколение» Х. Ортега-и-Гасет вложил следующий смысл: «Синтез взаимосвязанных элементов, составляющих новое социальное целое в его разнообразии, следующее по дороге жизни в соответствии с заданной траекторией» [6, с. 114].

В большинстве работ тематика поколений рассматривается в культурно-историческом ракурсе, где предстает в качестве детерминанта исторических процессов, причины происходящих событий. Х. Ортега-и-Гасет следующим образом выразил эту идею: «Мы можем... представить каждое поколение как своего рода биологический снаряд, выпущенный в пространство в точно установленное время, с определенной силой, направлением» [Там же, с. 256].

В рамках второго подхода исследуется фрагментарное влияние исторических событий на формирование поколений: на отдельные группы (культурные и политические элиты). Значимое место в этом процессе принадлежит К. Манхейму, который первым применил методы социологии и психологии для изучения данного вопроса [5]. Он показал, что самые яркие впечатления юности не оказывают одинакового влияния на все группы общества. Различные общественные интересы вызывают у индивидов разную реакцию на одинаковый импульс. Между тем другая сторона проблемы смены поколений – соотношение роли отдельных групп и массы – получила свое дальнейшее развитие в политологии в рамках более широкой темы, связанной с властью.

Получила развитие и «механистическая» концепция, идеология которой восходит к трудам ученого Нового времени О. Конта [18]. В ее основе лежит предположение о наличии в обществе, рассматриваемом как сложная механическая система, жестких причинно-следственных связей. Концепция наиболее востребованной оказалась среди экономистов, между тем примеры ее применения встречаются в работах по политической проблематике. При построении социально-политических моделей в разной степени принимался во внимание экономический фактор, который придавал системе «жесткость».

Один из авторов подобных исследований, Э. Лабрусс, в 1933 г. на примере революционных событий во Франции описал взаимодействие социальных и экономических процессов [20]. Он доказал детерминирующий фактор экономических процессов, задававших ритм социально-политическому развитию. При построении модели ученый причины возникновения революции видел в предшествующем ей спаде в экономике, а роста в начале XIX в. цен и доходов населения – в политических и социальных событиях революционного периода.

Свой вклад в развитие теоретико-методологических основ политической цикличности внесли представители управленческих и экономических наук. В 1916 г. А. Файоль, опираясь на положения теории научного менеджмента и «идеальной бюрократии», используя результаты анализа опыта своего руководства организацией, заложил основы административной теории управления [14]. Ученый рассмотрел управление как повторяющийся процесс, состоящий из определенного числа связанных функций, в том числе организации, контроля, планирования, обратной связи. Он допустил использование принципов управления в политической сфере.

В 1922 г. Н. Кондратьев [3] рассмотрел вопросы, связанные с экономическими и структурными кризисами. Автор утверждал, что экономика представляет собой сложную систему, в которой цикличность необходимо рассматривать как комплекс факторов, вызывающих и сопровождающих этот феномен.

Исследовав развитие мировой экономики с помощью математических и статистических методов, ученый пришел к выводу о существовании в экономике «больших циклов». Они неравномерны во времени и хронологически занимают 50–60 лет. Сначала происходит подъем – «динамическая волна», в рамках которой наблюдается стабильный рост производства, цен и доходов, а кризисы – неглубокие. Затем наступает спад – «депрессивная волна», когда экономика нестабильна, а кризисы – глубокие и продолжительные. Н. Кондратьев полагал, что динамика экономического развития тесно связана с политической, социальной и культурной сферами. Он отмечал необходимость учета социальных потрясений и войн в исследовании циклических процессов, но не видел в них основного источника развития. Прогностический потенциал его модели позволил предвидеть наступление Великой депрессии и мировой войны.

Н. Кондратьев, как и многие его современники, не обошел вниманием феномен социальной революции. Он полагал, что возникновение военных конфликтов и революций имеет высокую вероятность именно в повышенных фазах длительных циклов. Дальнейшее развитие теории циклов Кондратьева пошло по пути ее упрощения, в то время как реальная политическая и экономическая жизнь общества только усложнялась.

Циклические процессы были положены в 1910–1940-х гг. философом Дж. Дьюи [19] и политологом Г. Саймоном [24] в основу трехфазовых моделей «решения проблем»: «определение проблемы – формирование альтернатив – выбор наилучшей альтернативы» (Дж. Дьюи), а затем «разведка – проектирование – выбор» (Г. Саймон). Во второй половине XX в. на базе этих моделей были разработаны алгоритмы принятия политических решений.

А. Шлезингер-старший с учетом циклов, выявленных им в процессе анализа политической истории США, в 1924 г. сделал прогноз об изменении в 1932 г. внутривнутриполитического курса с консервативного на социально-либеральный. Ученый не просто предсказал реформы, связанные с приходом Ф. Рузвельта, но и в общих чертах описал характер его «Нового курса». За основу прогноза А. Шлезингер-старший принял маятниковую модель политического цикла внутренней политики США, включавшей две фазы – консервативную и либерально-реформистскую [23].

Каждый из упомянутых выше ученых первой половины XX в. затрагивает один из трех коррелируемых между собой циклов – развития личности, государства и цивилизации. В рамках структурно-функционального подхода иерархия цикла будет выглядеть следующим образом: «высший» – цивилизационный, «средний» – государственно-национальный, «базовый» – личностного развития.

Наиболее быстро разворачивается личностный цикл, динамику развития которого задает смена поколений. Его эволюция обусловлена диалектическим сочетанием интересов личности и тенденции в развитии общества. В структуру государственно-национального цикла входит цикл развития определенного общества, включающего способность к адаптации к внешним и внутренним изменениям, а также перестройку в ходе данного процесса имманентной сущности его представителей. Этот цикл может быть и незавершенным, если по причине неблагоприятных условий государство утратит суверенитет. Цивилизационный цикл наиболее длительный. Его ритм зависит от многих государственных образований, входящих в социокультурный ареал определенной цивилизации. Каждый конкретный цикл образует отдельные фазы, сменяющие друг друга.

Таким образом, в первой половине XX в. дифференциация наук способствовала междисциплинарному изучению циклических процессов в обществе, поиску новых подходов к исследованию нелинейной динамики, что в дальнейшем благоприятствовало формированию теоретических и методологических основ политической цикличности.

При различиях в подходах к изучению нелинейных процессов в обществе, обусловленных дисциплинарным характером исследований, работы ученых органично вписываются в «пирамиду циклов», которая включает три цикла, коррелирующих между собой, – развития личности, государства и цивилизации.

Исследования нелинейных процессов в сфере политики также носили циклический характер. Максимальный интерес со стороны ученых приходился на времена кризисов и обуславливался не только стремлением понять их природу, но и выработкой практических рекомендаций.

В работах ученых первой половины XX в. получили дальнейшее развитие такие теории, как «смена поколений», «жизненный цикл цивилизации», «циркуляция элит», были заложены основы теорий «мировой гегемонии», «циклически-волновой», «принятия политических решений».

Значимый вклад в формирование теоретических и методологических основ внесли представители элитизма, марксизма, механицизма, цивилизационизма.

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Академ. проект, 2015. 602 с.
2. Драгунский Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Полис. 1992. № 1. С. 17–22.
3. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда : Гос. изд-во, 1922. 258 с.
4. Логинов А. В. Политическая циклистика и систематика. Саратов : Изд-во Мордов. ун-та, 2011, 204 с.

5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Говорящая книга, 2010. 744 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. 704 с.
7. Парето В. Трактат по общей социологии. СПб. : НОРМА, 2004. 327 с.
8. Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2. С. 8–28.
9. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар : Анбур, 2018. 640 с.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб. : Астрель, 2006. 1176 с.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
12. Тахтарев К. М. Социологические труды. СПб. : РХГА, 2006. 839 с.
13. Тойнби А. Постижение истории. М. : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
14. Худяков А. В. Информационно-аналитическое обеспечение политического управления. Минск : РИВШ, 2021. 130 с.
15. Худяков А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: на примере трудов ученых эпохи Просвещения // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т 41. С. 58–70.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1998. 663 с.
17. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетическое и психогенетическое исследование. М. : Унив. кн., 2001. 382 с.
18. Coser L. A. Masters of sociological thought. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1971. 485 p.
19. Egeberg M. The impact of bureaucratic structure on policy making // Public Administration. 1999. № 1. P. 156–159.
20. Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. Paris : Librairie Dalloz, 1933. 697 p.
21. Michels R. Umschichtungen in den herrschenden klassen nach dem kriege. Stuttgart : Verlag von W. Kohlhammer, 1934. 133 p.
22. Mosca G. The ruling lass. New York : McGraw-Hill, 1939. 216 p.
23. Schlesinger A. The crisis of the old order. Boston : Houghton Mifflin, 1957. 557 p.
24. Simon H. Administrative behavior: a study of decision-making process in administrative organizations. New York : Random House, 1997. 193 p.

References

1. Danilevskii N.Ya. *Rossia i Evropa vzgliad na kulturnye i politicheskie otnosheniia slavianskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. Moscow, Akad. proekt Publ., 2015. 602 p. (in Russian)
2. Dragunskii D.V. Dlinnie volni istorii i dinamika politicheskoi vlasti [The long waves of history and the dynamics of political power]. *Polis* [Polis], 1992, no. 1, pp. 17–22. (in Russian)
3. Kondratev N.D. *Mirovoe khoziaistvo i ego konieiuunktury vo vremia i posle voiny* [World economy and its conjunctures during and after the war]. Vologda, Gos. izd-vo Publ., 1922, 258 p. (in Russian)
4. Loginov A.V. *Politicheskaya ciklistika i sistematika* [Political cyclicistics and systematics]. Saratov, Publ. House Mordov. un-t, 2011, 204 p. (in Russian)
5. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Govoriashchaia kniga Publ., 2010. 744 p. (in Russian)
6. Ortega-i-Gasset K.H. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ves mir Publ., 1997, 704 p. (in Russian)
7. Pareto V. *Traktat po obshchei sotsiologii* [Treatise on General Sociology]. St. Petersburg, Norma Publ., 2004. 327 p.
8. Rozov N.S. *Ciklichnost rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezni: vozmojno li vizdorovlenie?* [The cyclical Nature of Russian Political History as a disease: is recovery Possible?]. *Polis* [Polis], 2006, no. 2, pp. 8–28. (in Russian)
9. Sorokin P.A. *Krizis nashego vremeni Rossiia i Soedinennye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and the United States]. Syktyvkar, Publ. House Anbur, 2018, 640 p. (in Russian)

10. Sorokin P.A. *Sotsialnaia i kulturnaia dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg, Astrel Publ., 2006. 1176 p. (in Russian)
11. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiia. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p. (in Russian)
12. Takhtarev K.M. *Sotsiologicheskie trudy* [Sociological works]. St. Petersburg, RKHGA Publ., 2006. 839 p. (in Russian)
13. Toinbi A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 521 p. (in Russian)
14. Khudyakov A.V. *Informacionno-analiticheskoe obespechenie politicheskogo upravleniya* [Information and analytical support of political government]. Minsk, RIVSH Publ., 2021, 130 p. (in Russian)
15. Khudyakov A.V. Formirovanie teoretiko-metodologicheskikh osnov cziklicheskikh koncepczij v politicheskoy sfere: na primere trudov ucheny'kh e`pokhi Prosveshheniya [Formation of theoretical and methodological foundations of cyclic concepts in the political sphere: on the example of the works of scientists of the age of enlightenment]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo univversiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2022, vol. 41, pp. 56-70 (in Russian)
16. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow, Publ. Mysl, 1998, 663 p. (in Russian)
17. Elias N. *O protsesse tsvivilizatsii sotsiogeneticheskoe i psikhogeneticheskoe issledovanie* [On the process of civilization: sociogenetic and psychogenetic research]. Moscow, Univ. kniga Publ., 2001, 382 p. (in Russian)
18. Coser L.A. *Masters of sociological thought*. N. Y., Harcourt Brace Jovanovich, 1971. 485 p.
19. Egeberg M. The impact of bureaucratic structure on policy making. *Public Administration*, 1999, no. 1. pp. 156-159.
20. Labrousse E. *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris, Librairie Dalloz, 1933, 697 p.
21. Michels R. *Umschichtungen in den herrschenden klassen nach dem kriege*. Stuttgart, Verlag von W. Kohlhammer, 1934. 133 p.
22. Mosca G. *The ruling lass*. New York, McGraw-Hill, 1939, 216 p.
23. Schlesinger A. *The crisis of the old order*. Boston, Houghton Mifflin, 1957, 557 p.
24. Simon H. *Administrative behavior: a study of decision-making process in administrative organizations*. New York, Random House, 1997, 193 p.

Сведения об авторе

Худяков Андрей Валерьевич
 кандидат политических наук,
 главный специалист
 Научно-практический центр проблем
 укрепления законности и правопорядка
 Генеральной прокуратуры Республики
 Беларусь
 Республика Беларусь, 220088, г. Минск,
 ул. Захарова, 76
 e-mail: khudyakov_1971@list.ru
 ORCID: 0000-0002-9981-1967

Information about the author

Khudyakov Andrei Valerevich
 Candidate of Sciences (Political Science),
 Chief Specialist Scientific and Practical Center
 for the Problems of Strengthening Law and
 Order of the General Prosecutor's Office
 of the Republic of Belarus
 76, Zakharov st., Minsk, 220088, Republic
 of Belarus
 e-mail: khudyakov_1971@list.ru
 ORCID: 0000-0002-9981-1967